

Когда обнаружился Звездный Сосуд, верхушка Бансейкё, несмотря на все бушевавшие в их душах восторги, держала эту новость под строжайшим секретом. От обмана родителей девочки до доставки Рико Аманаи в самое сердце культа — каждый шаг поручался исключительно преданным, проверенным людям. По всем законам логики, об этом никто не должен был узнать.

Однако идеальных планов не существует.

В мире нет стен без щелей. Если событие произошло, слухи о нем рано или поздно просочатся наружу или обнаружат себя по едва заметным следам.

Вскоре после того, как Харука Ямасита произнесла свои пророческие слова, на Рико совершили самое жестокое покушение в ее жизни.

Кто-то уже давно просчитал время слияния Тэнгэна и пристально следил за действиями Бансейкё, пока те искали Сосуд. Стоило им подтвердить существование Рико, как проклинатели, мечтавшие о гибели мира магов, сплотились. Даже не дожидаясь приказов своего таинственного лидера, они без колебаний решили уничтожить девчущку на самом раннем этапе.

Сама Рико Аманаи из той резни мало что запомнила.

Все вокруг превратилось в хаос: ее куда-то несли, мимо проносились смазанные, застывающие на мгновения кадры, позади расплывалось багровое море, а в нос бил резкий, удушливый запах железа.

До этого дня самым страшным ее ранением была случайная царапина, и теперь, совершенно не готовая к подобному кошмару, Рико оцепенела от ужаса.

Страх сковал тело. Она не могла даже зажмуриться, просто позволяя нести себя сквозь этот кошмар.

Вдруг сердце пронзила резкая боль. Опустив взгляд, она увидела серебристое лезвие, прижатое к самой плоти.

— Ах...

Кто это сделал?

Лицо исказилось в злобном оскале. Это был проклинатель. Тот самый человек, который только что притворялся ее защитником.

«Где же настоящий телохранитель?»

Боль накатывала волнами. Охваченный паникой разум Рико внезапно прояснился, и теперь она отчетливо увидела разницу между фальшивкой и настоящим охранником, который ее оберегал.

Прежде чем она успела сорвать с него маску, проклинатель рухнул на землю. В лицо ей брызнула горячая кровь. Рико снова застыла, лишившись дара речи.

— Звездный Сосуд...

—... Госпожа Аманай...

— Операция...

— Нет магов... с обратной проклятой техникой...

Голоса вокруг доносились словно сквозь толщу воды. Перед тем как она окончательно потеряла сознание, в ее угасающем разуме промелькнула лишь одна мысль.

«Простите...»

Если бы она никогда не рождалась, возможно, все получили бы то, к чему стремились.

Пока Рико балансировала на грани жизни и смерти, обеспокоенные сектанты погрузили ее в машину. Кто-то ожесточенно спорил, но в таком критическом положении выбора не оставалось. Внутри Бансейкё не было условий для сложнейшей операции, и уж тем более среди них не водилось редчайших магов, владеющих обратной проклятой техникой.

Они повезли ее в обычную больницу.

Тем временем на крыше далекого здания Харука Ямасита прислушивалась к доносившимся издали крикам боли, которые под конец заглушил рокот автомобильного мотора.

Будучи жрицей, лишенной всяких боевых навыков, она не могла броситься в гущу сражения — другие верующие просто удержали бы ее. Поэтому ее устроили в соседней высотке, откуда открывался неожиданно хороший обзор.

— Люди никогда не могут принять решение, которое устроило бы всех. Если сомневаешься, лучше верить свои надежды небесам.

Спасение или самопожертвование.

В глубине души каждый человек все же хочет жить.

Харука слегка опустила веки и сложила ладони в молитвенном жесте. Но обратила его не к какому-то конкретному алтарю, а прижала руки к самому сердцу. Там, внизу, на земле, остались тела адептов Бансейкё, погибших при защите Звездного Сосуда.

— Пусть боги примут ваши души.

В загробном мире им больше не придется сталкиваться ни с ней, ни с магами.

На другом конце города, в стерильной белизне больничной палаты, Рико Аманаи наконец пришла в себя.

Взгляд долго блуждал по залитому ярким светом потолку, прежде чем фокус вернулся. Девочка растерянно смотрела на окружающую реальность. В отличие от мрачных залов Бансейкё, пропитанных удушающей религиозной атмосферой, даже этот самый простой, обычный потолок вызывал у нее желание разрыдаться от облегчения.

«Простите меня. Я слишком эгоистична»

Слезы покатались по ее вискам, оставляя влажные дорожки.

Пройдя через ад и едва не погибнув, она еще сильнее возненавидела мысль о неминуемой смерти в будущем.

Ей хотелось бежать. Даже зная, что снаружи ее караулят.

Сатору Годзё стоило ненадолго отлучиться, как по возвращении он обнаружил в доме постороннего.

— А?

Ладно бы его как-то предупредили, но этот парень возник буквально из ниоткуда. Чертовски странно.

— Это еще кто такой? — Сатору бесцеремонно схватил за плечо первого попавшегося под руку человека.

— Говорят, ученик господина Аль-Хайтама, — послушно ответил Сакуносукэ Ода.

Заметив, что Годзё глубоко задумался, он не стал ему мешать и тихо удалился.

Фёдор Достоевский, даже представ спустя несколько лет перед самим Аль-Хайтамом, не изменил своему странному обращению — «учитель». Окружающим это казалось дикостью, но для самого юноши это слово было знаком искреннего признания.

Ну и, пожалуй, каплей здорового ехидства.

Сам Аль-Хайтам никак на это не реагировал, зато его подопечные дети пребывали в крайнем недоумении.

— Учитель? И чему же он тебя научил?

Увидев нависшего перед ним Сатору, напоминавшего огромного белого кота, Достоевский мысленно сопоставил крупницы собранных досье с живым человеком. Сатору Годзё был слишком знаменит: его статус, колоссальная сила и, главное, талант устраивать хаос планетарного масштаба не могли остаться незамеченными.

— Пожалуй... связывающим клятвам, — с неизменной мягкой улыбкой произнес Фёдор. — Вам любопытно узнать, как именно он стал моим наставником?

Легендарные Шесть глаз, способные видеть суть вещей, смотрели на него сквозь темные стекла очков почти вплотную. Но Достоевский, привыкший во всем придерживаться таинственности, не выказал и тени страха. Напротив, ему самому хотелось проверить, как много способен разглядеть Годзё.

Кот и мышь всегда занимали фиксированные места в пищевой цепочке.

Вот только сибирские хомяки — существа мутировавшие.

Сатору видел физическое состояние юноши до мельчайших подробностей, но прочесть ход его мыслей так и не смог. Это напоминало полуоткрытую шкатулку: заглядываешь внутрь, а там скрывается еще один запертый наглухо ларец.

— Ну давай, выкладывай, — Сатору мысленно потянулся к шкатулке, примеряясь, как бы взломать этот замок.

Разумеется, рассказывать всю правду Достоевский не собирался. Ни трагическая смерть родителей, оставившая глубокий шрам в его душе, ни тщательно скрываемые события в Москве не предназначались для чужих ушей.

Поэтому его история прозвучала как странная детская сказка.

— Это случилось в один из тех вечеров, когда бушевала снежная буря... — начал он, точь-в-точь как в сказке про девочку со спичками. — Добросердечный учитель подобрал меня, растерянного и одинокого...

Аль-Хайтам в его рассказе предстал этакой доброй феей-крестной, которая всегда возникала в самый критический момент и творила настоящее волшебство с помощью своей великой мудрости.

— Но когда пришло время расстаться, он оставил меня на попечение другого человека.

Себя же Фёдор выставил брошенным ребенком.

— Поэтому, повзрослев, я отправился следом. Хотел спросить, почему он бросил меня тогда. Но, как видите, я не держу на учителя зла. Мне просто хотелось взглянуть, как он устроился.

Он краем глаза ловил реакцию Сатору, продолжая вдохновенно лгать.

— Ты... за кого меня принимаешь? За трехлетнего ребенка? — надулся Годзё, всем своим видом выражая крайнее недоверие.

Во-первых, несносный характер Аль-Хайтама и его патологическая нелюбовь к лишним хлопотам были притчей во языцех. Во-вторых, не будь у Фёдора за плечами сложного и мрачного прошлого, он никогда не стал бы его учеником. Какая уж тут легкая сказочка.

— Вовсе нет. Я говорю вам чистейшую правду.

Разве что самую малость умолчал и добавил экспромта.

Похоже, под влиянием праздных эсперов из Русского литературного сообщества Фёдор в совершенстве овладел искусством приукрашивать действительность. Он врал виртуозно: ни пульс не участился, ни единый мускул на лице не дрогнул.

— Не верю.

— Ваше право. Мысли человека свободны.

Годзё мысленно признал, что парень чертовски скользкий — вполне способный потягаться в изворотливости со старыми мандаринами из верхушки магов.

Жаль только, что дома, какими бы великими и ужасными ни считали Сатору в мире магов, ему приходилось изображать ласкового домашнего кота: не устраивать погромы и не обижать других мелких зверушек.

«Ладно, шут с ним»

Сатору крутанулся на пятках и скрылся из виду.

Фёдор вернулся к прежней невозмутимой позе и сделал глоток кваса, который Кавех купил специально для него. Из-за резкого запаха перебродившего хлеба в этом доме никто, кроме Фёдора, не притрагивался к напитку, так что за сохранность запасов можно было не переживать.

Какая благодать.

Тем не менее его разум продолжал работать на бешеной скорости.

«Так ли важен Звездный Сосуд на самом деле?»

«Действительно ли ее тело настолько уникально, что замену найти невозможно?»

Ответ на этот вопрос можно будет легко прочесть по реакции Бансейкё на побег девчонки.

Стоит поразмыслить и о другом.

«В какой форме существует Тэнгэн, которому поклоняются фанатики?»

Вспоминая восторженные отзывы магов об всеведении их покровителя, Достоевский лишь презрительно усмехнулся несовершенству их информационной системы. Даже вечно бьющийся головой о стену Булгаков в моменты полного неведения обращался за помощью к господину В.

Если у них на защите стоит столь великий и мудрый господин Тэнгэн, почему рядовые маги продолжают гибнуть пачками из-за банальных ошибок в разведке?

Им просто плевать. Обычные маги для них — не более чем расходный материал.

Пока это не угрожает шкурам старых мандаринов, они и пальцем не пошевелият.

— Что ж... С этой точки зрения все выглядит вполне логично, — тихо пробормотал Фёдор.

<http://bllate.org/book/18256/1755745>